

С О О Б Щ Е Н И Я

МАССОВЫЙ КУЛЬТУРНЫЙ ПОХОД ЗА ЛИКВИДАЦИЮ НЕГРАМОТНОСТИ В СОВЕТСКОЙ ДЕРЕВНЕ (1928—1932 гг.)

В. А. КУМАНЕВ

Владимир Ильич Ленин считал борьбу за всеобщую грамотность населения первоочередной задачей культурного строительства в СССР. Он подчеркивал: «...В стране безграмотной построить коммунистическое общество нельзя»¹.

С первых дней Октября партия развернула энергичную работу по обучению грамоте взрослого трудящегося населения. Уже в течение первого десятилетия Советской власти были достигнуты весьма серьезные успехи в этом деле: около 7 млн. рабочих и крестьян из числа неграмотных научились читать и писать. Однако массовая безграмотность, это тяжелое наследие прошлого, далеко еще не была преодолена. К началу I пятилетки по уровню грамотности СССР продолжал занимать одно из последних мест в Европе².

И в условиях советской действительности проблема ликвидации неграмотности относилась главным образом к деревне. В 1928 г. из 18 млн. неграмотных только в возрасте от 15 до 35 лет — 17 млн. приходилось на крестьянство³.

Политическое и народнохозяйственное значение ликвидации массовой неграмотности в советской деревне неизмеримо возросло в связи с задачами первого пятилетнего плана по социалистической реконструкции деревни. Культурная отсталость крестьянства тормозила создание и освоение новых форм сельскохозяйственного производства. При низком уровне культуры в деревне нельзя было успешно осуществить перевод крестьянских хозяйств на социалистическую основу, внедрить среди широчайших бедняцко-средняцких масс агрономические знания и дать современную технику сельскому хозяйству. Он мешал правильному и глубокому усвоению политики партии в деревне. Социалистическому строю, как указывал В. И. Ленин, требуются цивилизованные кооператоры⁴. Поэтому XV съезд партии (1927 г.), принявший установку на массовое развертывание коллективизации, в числе важнейших задач по работе в деревне выдвинул задачу дальнейшего усиления строительства социалистической культуры на селе, повышения уровня грамотности среди крестьян. Проблема ликвидации неграмотности стала стержнем всей политико-массовой и просветительной работы, вопросом первостепенной государственной важности.

Основная работа по ликвидации массовой безграмотности была проведена Коммунистической партией и советским государством в годы первой пятилетки. В 1928—1932 гг.

¹ В. И. Ленин. Соч., т. 31, стр. 272.

² В 1927 г. СССР по уровню грамотности занимал в Европе 19 место (См.: А. В. Луначарский. Десять лет культурного строительства в стране рабочих и крестьян, М.—Л., 1927, стр. 20).

³ Н. Пономанский. Социально-культурное строительство деревни в пятилетке, М., 1930, стр. 21.

⁴ См. В. И. Ленин. Соч., т. 33, стр. 429—431.

борьба за всеобщую грамотность в СССР вылилась во всенародный культурный поход.

В научной литературе история зарождения и развития массового культпохода за грамоту до сих пор не нашла необходимого освещения. Из исторических работ, в которых рассматривается вопрос о культпоходе, следует отметить книгу Л. С. Фрид «Очерки по истории развития политико-просветительной работы в РСФСР (1917—1929 гг.)», вышедшую в Ленинграде в 1941 г. В «Очерках» затрагивался лишь вопрос о начальном периоде культпохода, когда он проводился главным образом в городах. Автор ограничила хронологические рамки работы 1929 г. и поэтому, естественно, не могла дать полной картины развертывания культпохода в деревне. Некоторые существенные вопросы, связанные с историей возникновения и развития культпохода (вопрос о движущих силах похода и др.), нашли отражение в монографии М. П. Кима⁵. Заслуживает внимания также брошюра А. М. Ивановой «Что сделала советская власть по ликвидации неграмотности среди взрослых», изданная Учпедгизом в 1949 г. Автор затрагивает отдельные стороны развития культпохода в городах и подводит некоторые итоги. Специальных же работ, посвященных истории массового культурного похода, нет. Между тем, по своим масштабам, организованности и участию миллионных масс культпоход был одним из самых выдающихся явлений в истории культурного строительства в СССР.

В. И. Ленин учил, что без привлечения к общественному строительству широких слоев народа, без пробуждения активности масс ни о каком революционном преобразовании не может быть и речи. Без активного участия самих масс нельзя было добиться и всеобщей грамотности. Владимир Ильич говорил, что успешно в кратчайший срок можно ликвидировать безграмотность «только при том условии, если массы сами возьмутся»⁶. Культурный поход, возникший как особая форма творческой самодетельности масс в борьбе за грамотность, явился убедительным подтверждением этих ленинских слов, он был прежде всего движением самих масс. В настоящей статье освещается история культпохода за грамоту в советской деревне, где он получил наибольшее развитие.

* * *

Зачинателем массового культпохода за грамоту выступил комсомол, с большой энергией взявшийся за выполнение задачи, которую поставил перед ним XV съезд партии: «Быть инициатором и проводником новых начинаний в городе и деревне по рационализации хозяйства, труда и быта»⁷.

Еще в 1920 г. на III съезде РКСМ В. И. Ленин, определяя основные задачи комсомола, указывал: «Коммунизм состоит в том, чтобы та молодежь, те юноши и девушки, которые состоят в Союзе молодежи, сказали бы: это наше дело, мы объединимся и пойдем в деревни, чтобы ликвидировать безграмотность...»⁸

Большое значение в деле выполнения указаний Коммунистической партии по развитию общественного движения за грамотность сыграл VIII съезд ВЛКСМ, состоявшийся в мае 1928 г. Съезд нацелил комсомольцев на непосредственное участие в борьбе за всеобщую грамотность взрослого населения. Было принято решение о проведении с 1 августа 1928 г. месячника ликбеза. На ликбезработу в помощь местным чрезвычайным комиссиям было выделено 1000 комсомольцев⁹. Съезд обязал каждого грамотного комсомольца найти и обучить одного неграмотного¹⁰.

Выполнение этих решений активно началось с августа 1928 г. В качестве действенной формы практического применения сил комсомольцев и молодежи в реализации по-

⁵ См. М. П. Ким. 40 лет советской культуры, М., 1957.

⁶ Н. К. Крупская. Ленин и культура (Сб. статей), М., 1934, стр. 49, 144.

⁷ «КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК», изд. 7, ч. II, 1954, стр. 467.

⁸ В. И. Ленин. Соч., т. 31, стр. 272.

⁹ «ВЛКСМ в резолюциях его съездов и конференций (1918—1928)», М.—Л., 1929, стр. 11.

¹⁰ В рядах ВЛКСМ в середине 1928 г. состояло еще 5% неграмотных комсомольцев, а среди трудящейся молодежи комсомольского возраста неграмотных было 6 млн. человек. Основная часть неграмотных комсомольцев и молодежи находилась в деревне (ЦАМП, отдел ликбеза, оп. 1, д. 43, л. 23).

становлений съезда комсомол выдвинул идею культпохода против безграмотности, бескультурья и невежества.

Она возникла в низовых комсомольских организациях. Первыми выпустили воззвания о культпоходе за грамоту Саратовский, Ленинградский, Казанский, Костромской, Смоленский, Днепропетровский, Мурманский, Воронежский комитеты ВЛКСМ¹¹.

Одна из главных целей комсомольского культпохода состояла в том, чтобы привлечь внимание общественности к борьбе с неграмотностью. Но ВЛКСМ не ограничивался только ролью застрельщика. Комсомольцы стали деятельными участниками этого массового движения, охватывавшего с каждым днем все новые и новые районы. На местах всюду шла мобилизация сил молодежи. Вскоре задание VIII съезда было перевыполнено: только по трем комсомольским организациям — Смоленской, Казанской и Вятской к сентябрю 1928 г. на работу по обучению взрослых грамоте было выделено в общей сложности свыше 1500 комсомольцев. Большинство мобилизованных было направлено в деревню. Так, по решению Вологодского укома ВЛКСМ в сельскую местность выехало 500 комсомольцев, I Московский государственный университет послал в районы 250 студентов, из которых 200 человек были комсомольцами, столько же комсомольцев выделял Костромской губкомол¹².

ЦК ВЛКСМ в обращении к комсомольским организациям предупреждал, что «этот поход не является просто единовременной кампанией, после которой наступят обычные комсомольские будни»¹³. Начавшийся культпоход был замечателен тем, что он, во-первых, превращал дело ликбеза из узковедомственного в движение миллионных рабоче-крестьянских масс, во-вторых, способствовал объединению работы, сил и средств общественных организаций, ставил вопрос о едином плане борьбы за грамотность.

Призыв ленинского комсомола «Грамотный, обучи неграмотного» был быстро подхвачен широкой советской общественностью (обществом «Долой неграмотность»¹⁴, операцией, органами народного образования, профсоюзами¹⁵ и др.).

Наилучшие формы работы были найдены не сразу. Вначале в культпоходе приняли участие только отдельные учебные заведения, районы, города. С 2 сентября 1928 г. постановлением ЦК ВЛКСМ комсомольский культпоход по борьбе с неграмотностью был продлен на 2 месяца.

16 сентября ЦК ВЛКСМ совместно с ЦС ОДН и Главполитпросветом выпустил однодневную газету «Культпоход»¹⁶, в которой приняли участие М. И. Калинин, Ем. Ярославский, Н. К. Крупская, Максим Горький, Анри Барбюс. «Совкино» был заснят и выпущен на экраны документальный фильм о культпоходе. Маяковский откликнулся на развернувшееся массовое наступление на неграмотность стихотворением «Всесоюзный поход».

Первой под лозунгом массовой ликвидации неграмотности в августе 1928 г. выступила общественность г. Саратова (Нижне-Волжский край). Одной из главных причин успешности и организованности культпохода в Саратовском округе явилось создание Окружным исполнительным комитетом особой комиссии по ликвидации неграмотности. Она объединила все силы и средства общественности в ликбезработе. Далее развернулась массовая перепись всего неграмотного населения, которая была закончена силами комсомольцев в 38 дней¹⁷. Интересно отметить, что серьезную помощь в выявлении неграмотных оказали работники саратовской милиции, которые передавали списки неграмотных (из отдела паспортного стола) комиссиям по ликбезу. На плечи комсомольцев легла забота по подысканию помещений и по комплектованию сети ликбеза.

¹¹ ЦАМП, отдел ликбеза, оп. 1, д. 32, л. 74.

¹² См. «За грамоту», 1928, № 9, стр. 12; ЦАМП, отдел ликбеза, оп. 1, д. 32, л. 69.

¹³ Архив ЦК ВЛКСМ, папка 4, 1928, протокол № 16, л. 19.

¹⁴ Добровольное общество «Долой неграмотность» было образовано в 1923 г. Председателем Центрального Совета ОДН был избран М. И. Калинин. Первыми членами общества были В. И. Ленин, М. И. Калинин, Н. К. Крупская, А. В. Луначарский и др.

¹⁵ По постановлению Президиума ВЦСПС от 8 августа 1928 г. выделялось 2 тыс. руб. из культфонда на издание агитлитературы к месячнику борьбы с неграмотностью (ЦГАОР и СС, ф. 5451, оп. 12, д. 619, л. 46).

¹⁶ 26 сентября также была издана однодневная газета «Комсомол в культпоходе».

¹⁷ Оказалось, что в городе Саратове и его окрестностях насчитывалось 65 тыс. неграмотных и малограмотных, в то время как по официальным данным значилось лишь 8 тыс. неграмотных («Народное просвещение», 1928, № 11, стр. 41).

Работа саратовцев перекинулась в село — сначала на 10-километровом радиусе от города, затем опорные пункты ликбеза стали создаваться в совхозах и крупных селах (к ним были прикреплены более мелкие населенные пункты). Каждый сельский ликпункт имел своего шефа — корреспондента из города¹⁸. С завершением переписи началась массовая мобилизация добровольцев (культурмейцев) для ведения бесплатной ликбезработы. Только за 4 дня в ряды культурмии записалось 1500 человек. Ведущую роль в культпоходе с самого начала стал играть Саратовский Коммунистический университет имени Ленина, выделивший на ликбезработу более 500 коммунистов и комсомольцев. Всего по краю число комсомольцев-ликбезработников достигло 5 тыс. Культармейцы пользовались всеобщим уважением. Им был предоставлен ряд льгот: бесплатный проезд в трамвае, получение продуктов вне очереди и т. д.

Укреплению материальной базы культпохода способствовало проведение городских массовых субботников, зачинателями которых выступили комсомольцы. Они проводили рейды («легкой кавалерии») по районам Саратова, изыскивая общественные средства на ликбез, организовывали выступления молодежных коллективов художественной самостоятельности (сборы от спектаклей шли в пользу культпохода) и т. д.

Разнообразные формы приняла агитационно-разъяснительная работа, проводившаяся культурмейцами. По вопросам культпохода в городах и районах края состоялись многочисленные митинги, собрания, организовывались передачи по радио. Краевая печать широко освещала развитие этого движения. Штаб культпохода выпускал специальные газеты «За грамоту», «Азбука», «Вперед», «В атаку», большое количество всевозможных брошюр, листовок, плакатов.

8 декабря 1928 г. секретариат Саратовского окружкома ВКП(б) принял постановление о развертывании культпохода в деревне¹⁹. В декабре крайкомом ВЛКСМ в сельские районы было послано несколько культбригад, свыше 1000 студентов были направлены в деревни по заданию штаба культпохода. Вся работа проводилась бесплатно. «Саратовские комсомольцы показали хороший класс. Кто следующий?» — писала «Комсомольская правда»²⁰. К концу 1929 г. в крае работало уже 125 тыс. культурмейцев.

Первый год культурного похода за грамоту в Нижне-Волжском крае дал прекрасные результаты: за 1928/29 г. было обучено 232 тыс. человек (в том числе 170 тыс. в сельских местностях), вместо 27 тыс., обученных в 1927/28 г., 90% обученных ликвидировали свою неграмотность при помощи сил и средств общественности²¹. В ликпунктах обучавшиеся обслуживались и другими формами политико-просветительной работы²². В Саратове силами коммунистов и комсомольцев было проведено 990 политических бесед с неграмотными, организовано 260 библиотек-передвижек, распределено по сельским районам свыше 22 тыс. книг²³. Все это вместе взятое поднимало значение культурного похода далеко за рамки простой борьбы за грамотность.

Следует отметить одно важное обстоятельство. Первоначально (до 1928 г.) по директивам Наркомата просвещения РСФСР статистика вела учет неграмотных граждан только в возрасте от 16 до 35 лет. Поэтому и работа по обучению взрослых грамоте в основном проводилась лишь среди этих возрастных групп. С развертыванием культпохода в Нижне-Волжском крае было принято правильное решение о проведении учета и ликвидации неграмотности среди граждан также и в возрасте от 35 до 50 лет. Таким образом, обучению грамоте подлежали новые миллионы трудящихся города и деревни.

Залогом успеха культпохода в Нижне-Волжском крае явилось то, что Краевой комитет партии возглавил это движение с первых дней его зарождения, мобилизовав к ликвидации неграмотности внимание всей партийной организации. Культурный поход в Нижне-Волжском крае был одобрен в октябре 1929 г. специальным постановлением ЦК ВКП(б) «О саратовском культпоходе». На основе этого решения бюро Крайкома партии 20 октября 1929 г. вынесло постановление «Культурный поход в центр внимания парт-организации края»²⁴.

¹⁸ М. О. Веселов. В поход за грамоту, М., 1930, стр. 11.

¹⁹ ЦАМП, отдел ликбеза, оп. 1, д. 27, л. 93.

²⁰ «Комсомольская правда», 28 сентября 1928 г.

²¹ «Нижне-Волжский просвещенец», 1929, № 7—8, стр. 9.

²² Занятия в ликпунктах были рассчитаны на 6—8 часов в неделю. Обучение проходило также и на дому (2—3 раза в неделю).

²³ «Нижне-Волжский просвещенец», 1929, № 1, стр. 5.

²⁴ «В атаку» (Саратов), 27 октября 1929 г.

Культпоход в Нижне-Волжском крае оказал большое влияние на перестройку работы по ликбезу во всех областях и республиках Советского Союза. Народный комиссар просвещения РСФСР А. С. Бубнов, отмечая значение опыта массового культпохода за грамоту в Нижне-Волжском крае, говорил: «Это такие организационные приемы массовой культурной работы, которые, будучи применимы в любом уголке нашего Союза, дадут большие результаты для всего дела строительства социализма»²⁵.

Положительный опыт саратовцев нашел широкое применение прежде всего в Москве, где во главе движения за превращение столицы в город сплошной грамотности шел Бауманский район. Культпоход в районе возглавил штаб в составе представителей РК ВКП(б), РК ВЛКСМ, исполкома райсовета и ОДН. Комсомольские организации сумели мобилизовать на культпоход свыше 2 тыс. членов ВЛКСМ. Молодежь Москвы принимала деятельное участие в проведении спектаклей в пользу культпохода в организации киносеансов (доходы шли в фонд ликбеза), в устройстве площадок для детей, родители которых обучались грамоте. В результате напряженной работы общественности в 1928/29 учебном году свыше 18 тыс. неграмотных в Бауманском районе научились читать и писать. Эта цифра в 36 раз превысила показатели предыдущего года.

ЦК ВЛКСМ и редакция «Комсомольской правды» в обращении к саратовским и бауманским комсомольцам приветствовали их инициативу. «Мы,— говорилось в письме,— бурем учить молодежь бить неграмотность, используя ваш опыт и достижения... Комсомольское спасибо всем, откликнувшимся на наш призыв»²⁶.

Повсюду на местах комсомольцы изыскивали новые средства для укрепления материальной базы культпохода, привлекали к ликбезработе силы общественности. На Украине, например, в пользу культпохода в течение месяца проводились отчисления от продажи трамвайно-автобусных билетов и винно-водочных изделий, цены на которые были временно повышены. В Херсонском округе в селе Громово ячейкой ВЛКСМ была проведена книжная лотерея и продажа литературы. Все полученные средства пошли на организацию ликпункта²⁷. Таких примеров тысячи.

«Культурный поход начали комсомольцы,— писала в те дни Н. К. Крупская.— Партия, советская власть решили их поддержать. Нельзя переложить все это дело исключительно на плечи молодежи. И рядом, бок об бок с молодежью, пошли и партийцы, и советские работники плотно впрягаются в это дело»²⁸. Вслед за Нижне-Волжской и Московской партийными организациями в сентябре-октябре 1928 г. массовое начинание комсомола активно поддержали Средне-Волжская, Нижегородская, Смоленская, Кузнецкая, Ульяновская, Пензенская, Кинешемская партийные организации, выпустившие специальные воззвания о культпоходе²⁹. Большую роль в распространении культпохода на новые районы СССР сыграло совещание авангарда культпохода, проходившее 30—31 октября 1928 г. в Москве с участием представителей ЦК ВКП(б), ЦК ВЛКСМ, ЦК профсоюза работников просвещения, Центрального Совета ОДН, ВЧК по ликвидации безграмотности, делегаций из Саратова, Нижнего Новгорода, Самары, Пензы, Воронежа, Ростова-на-Дону и других мест. Участники заслушали и одобрили доклад «О саратовском культпоходе» и обсудили формы работы, выявленные в процессе нового движения за грамотность³⁰. В ноябре 1928 г. совещание деятелей культпохода было проведено в агитпропотделе ЦК ВКП(б). «Комитеты содействия культпоходу» (штабы по руководству походом)³¹ были образованы к концу 1928 г. почти во всех областях, краях и республиках страны.

Следует подчеркнуть, что первоначально культпоход успешно развернулся главным образом в городах и весьма недостаточно затронул деревню и национальные районы. 14 октября 1928 г. в газете «Московская деревня» была напечатана статья Н. К. Круп-

²⁵ «Просвещение Сибири», 1930, № 5, стр. 6.

²⁶ «Комсомольская правда», 28 сентября 1928 г.

²⁷ «Комсомольский агитпропработник», 1928, № 13, стр. 15.

²⁸ Н. К. Крупская. Культпоход и ликвидация неграмотности, М., 1928, стр. 16.

²⁹ ЦАМП, отдел ликбеза, оп. 1, д. 32, л. 74.

³⁰ См. «Народное просвещение», 1928, № 11, стр. 40. Всероссийская чрезвычайная комиссия по ликвидации безграмотности была образована при Наркомпросе РСФСР по инициативе В. И. Ленина декретом Совнаркома РСФСР от 19 июля 1920 г. Председателями комиссии в разное время работали И. П. Брихничев, Л. Р. Менжинская, А. С. Курская, Д. А. Бондарев.

³¹ При райкомах партии создавались ликбезтройки, выделялись специальные уполномоченные по борьбе с неграмотностью.

ской «Деревня должна стоять в центре культпохода». «Если в больших городах,— писала Крупская,— безграмотность охватывает лишь отдельные участки, в деревне, в таких областях, как Центрально-черноземная. Средне-Волжская, в большинстве национальных автономных областей безграмотность — такое социальное зло, которое вяжет по рукам и ногам».

На необходимость перенесения центра тяжести культпохода за грамотность в сельские районы было также указано на агитпроповещании при ЦК ВЛКСМ (март 1929 г.), принявшем резолюцию «Итоги культпохода»³². Большая роль в деле распространения положительного опыта массового движения за грамотность в деревне отводилась обществу «Долой неграмотность». II съезд ОДН (январь 1929 г.) призвал всех членов общества добиваться, чтобы каждый сельский совет, культурная секция, ячейка ОДН были тем стержнем, вокруг которого работал бы актив деревенской общественности³³.

К середине 1929 г. грамотность в деревне по РСФСР составляла всего 45,7%, причем неграмотных женщин было вдвое больше, чем мужчин³⁴. Среди городского населения число неграмотных не превышало примерно 20%. Уровень грамотности по отдельным возрастным группам был таков³⁵:

Процент грамотных	Возрастные группы		
	26—34 года	35—49 лет	50 лет и выше
Мужчин	94,7	90,0	74,0
Женщин	83,7	62,2	39,4
Мужчин	81,6	71,0	42,2
Женщин	47,4	21,1	7,5

Как показывает таблица, разница в уровне грамотности между городским и сельским населением была особенно значительна в старших возрастных группах.

Центральный Комитет партии в постановлении от 17 мая 1929 г. признал необходимым коренным образом перестроить всю систему ликбезработы на основе результатов опыта культпохода и добиться планомерной организации ликвидации неграмотности, широкой самодеятельности всех организаций, принимающих в ней участие. ЦК ВКП(б) особое внимание обратил на работу в деревне, предложив всем местным организациям решительно усилить темп ликбезработы в сельской местности, охватив, в первую очередь, обучением бедноту, членов колхозов, батрачество, рабочих совхозов, сезонников. Предусматривалось ликвидировать неграмотность среди рабочих совхозов и колхозов в ближайшие 2 года³⁶. Постановление ЦК ВКП(б) сыграло исключительно важную роль. Оно явилось основным руководящим документом для партийных, советских и общественных организаций в борьбе за всеобщую грамотность.

Вслед за этим документом было издано обращение Наркомпроса РСФСР, Центрального Совета ОДН, ВЦСПС, ЦК ВЛКСМ³⁷ ко всем партийным, комсомольским профсоюзным, общественным организациям, ко всем рабочим и крестьянам с призывом поднять миллионы грамотных на борьбу с невежеством и темнотой. Майское решение ЦК ВКП(б) нашло свое отражение в решениях XIV Всероссийского съезда Советов³⁸. По линии Главполитпросвета 5 июня 1929 г. были установлены оперативные задания по охвату учебой 450 тыс. неграмотных колхозников, 300 тыс. бедноты, 500 тыс. середняков, 40 тыс. членов сельсоветов. Сельхозкооперация выделяла на эту работу 1650 тыс. руб.³⁹. Конкретные мероприятия по реализации решения ЦК ВКП(б) от 17 мая 1929 г. были разработаны краевыми и областными комитетами партии. 27 ноября 1929 г. ЦИК СССР провел совещание по вопросам улучшения дела народного просвещения⁴⁰. Главное внимание было обращено на борьбу с безграмотностью в коллективизированном секторе деревни.

³² «Известия ЦК ВЛКСМ», 31 марта 1929 г.

³³ «Учительская газета», 27 января 1929 г.

³⁴ «Советский статистик», 1 февраля 1929 г.

³⁵ «Лицом к деревне», 1929, № 15, стр. 13.

³⁶ «Директивы ВКП(б) и постановления Советского правительства о народном образовании за 1917—1947 гг.», вып. II, М., 1947, стр. 127.

³⁷ 28 августа 1929 г. ЦК ВЛКСМ вынес решение «О культпоходе» (Архив ЦК ВЛКСМ, папка 5, 1929, протокол № 115, лл. 5—6).

³⁸ См. «Съезды Советов РСФСР в постановлениях и резолюциях», М., 1939, стр. 385.

³⁹ ЦГАОР и СС, ф. 7446, оп. 7, д. 7, л. 178.

⁴⁰ Там же, ф. 1235, оп. 75, д. 1521, л. 11.

К осени 1929 г. заметно улучшилось качество ликбезработы в центральных областях страны, а также в сельских национальных районах Северного Кавказа, Калмыцкой, Мордовской автономных областей и Чувашской АССР. Показателем улучшения ликбезработы в деревне могут служить данные о сокращении отсева учащихся из сети ликбеза. Благодаря культпоходу в сельской местности по СССР в среднем отсев сократился на 20% ⁴¹.

Материалы, которые поступали с мест в Наркомат просвещения РСФСР и ЦК профсоюза работников просвещения, свидетельствовали о том, что главной опорой культпохода в начальный его период (1928/29 г.) явились работники просвещения. В Сибири в культпоходе участвовало почти все учительство. По данным 14 округов Сибири, учителя-культармейцы обучили 74 тыс. неграмотных и 6 тыс. малограмотных крестьян ⁴². В Курском округе ЦЧО силами просвещенцев в сельской местности было обучено за год до 18 тыс. крестьян (против 2500 человек, обученных в 1928 г.) ⁴³. Все районы были разбиты на 30—40 сельских участков, во главе каждого участка стоял ответственный организатор-учитель. В участок входило 7—10 населенных пунктов. В Тульском округе в культпоходе на селе участвовало свыше 65% учителей, в Уральской области — 80%, в Рязанском округе — 52% ⁴⁴, в Чувашской АССР — около 100% учителей.

В сводке ЦК профсоюза Рабрпос об участии работников народного образования отмечалось, что всего по Союзу в культпоходе за грамотность в 1928/29 г. участвовало свыше 80 тыс. просвещенцев ⁴⁵.

Во втором году борьбы за выполнение первой пятилетки бурное развитие коллективизации, внедрение новой техники на колхозных полях властно потребовало усиления ликбезработы в колхозах. Поскольку быстрый рост колхозов шел в первую очередь за счет бедняцкой прослойки, в массе своей неграмотной, в колхозах непрерывно увеличивался процент неграмотных. Уровень грамотности колхозников резко отставал от организационного и хозяйственного роста колхозов и совершенно не отвечал стоявшим перед колхозами производственным задачам.

Отсутствие сводных материалов не позволяет дать обобщающую картину грамотности в коллективизированном секторе деревни в первые годы пятилетки. Например, считалось, что в 1929 г. до 60% членов колхозов были неграмотными ⁴⁶, что в абсолютных цифрах составило свыше 950 тыс. человек. Колхозцентр и большинство колхозсоюзов не имели полных сведений о состоянии грамотности и ликбезработы в коллективизированном секторе деревни. Но отдельные сводки с мест и материалы проведенных обследований свидетельствовали, что число неграмотных среди взрослых, как правило, составляло больше половины членов сельхозартелей. Так, например, в Нижне-Волжском крае процент неграмотных по обследованным колхозам достигал 65%, в ЦЧО он превышал 70%, в Сибири — составлял 60,3%. Особенно высок процент неграмотных был в колхозах национальных республик и областей (в Казахстане — 80%, в Вотской области еще выше), а также среди колхозниц (по Нижне-Волжскому краю — 65—85%, в Сибири — до 80%, в Белоруссии — 70%, в Грузии — 89%) ⁴⁷.

«В колхозах очень много неграмотных...», — писала Н. К. Крупская. — Во всех колхозах огромное количество неграмотных женщин, особенно в Центрально-черноземной области... По-видимому, нам надо принять какие-нибудь чрезвычайные меры в области культурного строительства в колхозах... иначе получится задержка в дальнейшем росте коллективизации» ⁴⁸.

К концу ноября 1929 г. охват учебой неграмотных и малограмотных составлял в социалистическом секторе сельского хозяйства лишь 10—15% ⁴⁹. По ЦЧО предпо-

⁴¹ ЦАМП, отдел ликбеза, оп. 1, д. 36, л. 30.

⁴² ЦГАОР и СС, ф. 5462, оп. 11, д. 103, л. 18.

⁴³ «Культпоход», 1930, № 1, стр. 15.

⁴⁴ ЦАМП, отдел ликбеза, оп. 1, д. 43, л. 27; ЦГАОР и СС, ф. 5462, оп. 11, д. 103, л. 18.

⁴⁵ ЦГАОР и СС, ф. 5462, оп. 11, д. 103, л. 18; ж. «Культпоход» (1930, № 1, стр. 14) называет цифру в 100 тыс. человек.

⁴⁶ «Изба-читальня», 1929, № 13, стр. 31; «Народное просвещение», 1929, № 1, стр. 31.

⁴⁷ ЦГАОР и СС, ф. 7446, оп. 7, д. 32, лл. 4, 7.

⁴⁸ «За грамоту», 1929, № 10, стр. 6.

⁴⁹ Там же, № 12, стр. 2.

лагалось уже в 1928/29 г. в основном ликвидировать неграмотность в колхозах. Однако это задание не было выполнено: на долю обученных неграмотных — членов колхозов падало только 3% из всего состава окончивших ликпункты⁵⁰. Такая же картина была в Калужском округе, Казахстане, Нижне-Волжском крае⁵¹. Более благополучно в отношении ликвидации неграмотности дело обстояло на Украине, где обучились грамоте 30 тыс. колхозников, в Сибири, Вятском колхозсоюзе⁵².

Неудовлетворительное состояние культпросветработы в колхозах объяснялось, с одной стороны, ограниченностью финансовых средств на местах, с другой — слабой работой многих местных партийных и советских организаций, а также известной части самих колхозов, недооценивавших значение борьбы с неграмотностью. Большая вина за низкие темпы ликбезработы ложилась на Наркомпрос РСФСР, а также на Колхозцентр, который обычно сетовал (в отчетах о состоянии ликбеза) на «отсутствие культурных сил и средств»⁵³. Во многих случаях руководящие органы народного образования и штабы по культпоходу в оперативных планах не указывали цифровых заданий по обучению колхозников⁵⁴.

Развернувшийся культпоход за грамотность позволил радикально изменить темпы ликвидации безграмотности. Контрольные цифры пятилетнего плана на 1928/29 г. оказались далеко превзойденными. Эти цифры предусматривали охват обучением в 1928/29 г. 2 118,3 тыс. человек. Фактически культпоход помог вовлечь в пункты ликбеза и школы грамоты 2 800 тыс. человек, из которых в селах ликвидировали свою неграмотность 1 334,7 тыс. крестьян⁵⁵.

* * *

Характерной особенностью культпохода за грамотность в 1929/30 г. было то, что в него включились широкие слои трудового крестьянства. При активной помощи рабочего класса важную роль в движении стала играть передовая, наиболее сознательная часть деревни. Колхозное строительство осенью 1929 г. приняло небывалый размах. Если летом 1929 г. было только 8 районов, ставших на путь сплошной коллективизации, то в октябре их насчитывалось уже 24. Бурный темп колхозного строительства с особой остротой выдвинул задачу культурного обслуживания колхозного движения.

Огромное значение в развитии культпохода за грамотность в деревне и в особенности в колхозах имело решение ноябрьского Пленума ЦК ВКП(б) (1929 г.), который подчеркнул, что ликвидация неграмотности является необходимым условием успешного развития колхозного строительства⁵⁶.

Очень важным было то, что в 1929/30 г. социалистическое наступление на культурном фронте успешнее всего развернулось в районах сплошной коллективизации, способствуя укреплению уже существующих колхозов как основного ядра для дальнейшей коллективизации. Партия поставила задачу превращения районов сплошной коллективизации в районы сплошной грамотности, сделав их базой для роста колхозного движения и руководства культпоходом в индивидуальном секторе деревни.

9 марта 1930 г. ВЦИК, Наркомзем РСФСР, Колхозцентр и ЦС ОДН обратились с письмом ко всем правлениям колхозов, работникам земельных отделов, организациям ОДН, ко всем культармейцам. В письме указывалось, что часто замечается недооценка политического значения культпохода со стороны работников сельских советов, земорганов, правлений колхозов и рабочкомов, а это приводит к «искривлению на практике директив партии и правительства о культпоходе»⁵⁷. В обращении подчеркивалось, что неотложная задача момента заключается в полной и действенной увязке культпохода со всей хозяйственно-политической жизнью деревни, в превращении его в массовую организацию помощи партии и советам при проведении коллективизации и ликвидации кулачества как класса. Обращение отмечало, что лозунг «за грамотный колхоз» должен стать важнейшим лозунгом в весенней кампании, что следует путем объединения всех грамотных сил колхозов районов сплошной коллективизации пре-

⁵⁰ См. «Культурный фронт ЦЧО», 1929, № 7—8, стр. 83.

⁵¹ ЦГАОР и СС, ф. 7446, оп. 7, д. 32, л. 4.

⁵² ЦАМП, отдел ликбеза, оп. 1, д. 43, л. 9; д. 44, л. 59.

⁵³ ЦГАОР и СС, ф. 7446, оп. 7, д. 32, л. 4.

⁵⁴ Там же, ф. 5462, оп. 11, д. 103, л. 20.

⁵⁵ «Народное просвещение в СССР за 1928—1929 г.», М., 1930, стр. 16.

⁵⁶ См. «КПСС в резолюциях...», ч. II, изд. 7, стр. 648.

⁵⁷ «Социалистическое земледелие», 9 марта 1930 г.

вратить их в «острова грамоты», укрепив культурными силами города. В заключении письма указывалось: «Темпы ликвидации неграмотности не только не должны отставать от темпа коллективизации, но они должны его превзойти, в этом одна из важнейших задач по социалистическому переустройству деревни».

В этих условиях решающую культурную помощь крестьянским массам оказали рабочие городов страны. Как известно, эту задачу В. И. Ленин считал задачей гигантского, всемирно-исторического значения. Он предлагал обратить внимание на создание специальных рабочих организаций, «которые ставили бы себе систематической целью помогать деревне в ее культурном развитии»⁵⁸. Важнейшим фактором дальнейшего развития культпохода явилось решение ЦК ВКП(б) о мобилизации 25 тыс. рабочих для работы в деревне. Двадцатипятидесятники, неся с собой в деревню более высокую культуру, вступили в активную борьбу с массовой безграмотностью трудящегося крестьянства.

Значительную роль в развитии культурно-шефской работы стали играть шефские общества, которые в основном состояли из рабочих. Можно отметить, например, активное участие в культпоходе шефской организации Московской области. Общество включилось в поход за грамоту уже с конца 1928 г.⁵⁹

Крупнейшие промышленные предприятия страны брали шефство над деревнями, колхозами и нередко над целыми районами. Нижний Новгород шефствовал над Вятским округом; над ЦЧО, как областью сплошной коллективизации, шефствовали такие крупные заводы Союза, как «Серп и молот», «Красный выборжец», «Красный путиловец», «Красная Этна», Электрозавод, «Динамо» и др. В деревнях Тамбовского округа культурно-массовую и общественно-политическую работу проводили ленинградские рабочие⁶⁰.

В чем конкретно выражалась шефская помощь городов в борьбе с неграмотностью? Прежде всего в том, что город помог деревне культурными силами. Коммунистическая партия послала в сельские районы на постоянную массово-просветительную работу десятки тысяч ликбезработников.

В изучении истории культпохода за грамоту первостепенное значение имеет вопрос о культармии, как о важнейшей движущей силе этого массового движения. В конце 1929 г. и весной 1930 г. количество культармейцев, направленных в деревню из города, заметно возросло. Среди посланных в сельские школы и ликпункты для организации и проведения ликбезработы мы находим рабочих, учащихся старших групп, инженеров, учителей, преподавателей вузов и техникумов, статистиков, рабселькоров, научных работников. В Козловском округе ЦЧО в среднем на каждый сельский район к весне 1930 г. приходилось по 70—100 городских культармейцев⁶¹. Профсоюзы Северо-Кавказского края направили в деревню свыше 1000 профактивистов⁶². Всего было мобилизовано в крае 75 тыс. культармейцев.

Существенную помощь в борьбе с неграмотностью оказали старшеклассники, студенты вузов и техникумов, основную массу которых составляли комсомольцы. Например, студенты-комсомольцы Воронежского университета обучили неграмотных во всех подшефных пригородных селениях⁶³. Когда в начале 1930 г. в г. Орле было создано общее собрание учащихся города (по вопросу о культпоходе в деревне), все участники по предложению комсомольцев записались в культармию. В сельские районы было послано 1800 активистов — учащихся старших групп⁶⁴. Весной 1930 г. в орловской деревне силами только комсомольцев обучалось 8 тыс. человек, а всего силами учащихся — 55 тыс. крестьян⁶⁵. Следует, однако, заметить, что учащиеся и студенты большей частью использовались на временной работе — обычно в качестве организаторов ликбеза сроком до 2 месяцев и в период каникул.

Культурный поход радикально улучшил систему контроля над ликбезработой. Культур-

⁵⁸ В. И. Ленин. Соч., т. 33, стр. 426.

⁵⁹ 12 декабря 1928 г. Мосгубшефсоветом был утвержден план культпохода по борьбе с массовой неграмотностью среди крестьян (ЦГАОР и СС, ф. 5451, оп. 12, д. 619, л. 125).

⁶⁰ ЦАМП, отдел ликбеза, оп. 1, д. 52, л. 20.

⁶¹ «Культурный поход», 1930, № 1, стр. 17.

⁶² ЦГАОР и СС, ф. 5451, оп. 14, д. 588, л. 18.

⁶³ «Культурный поход», 1930, № 1, стр. 17.

⁶⁴ См. «Коммунистическое просвещение», 1930, № 1, стр. 56.

⁶⁵ «Культурный фронт ЦЧО», 1930, № 2—3, стр. 61

мейцы систематически стали отчитываться в штабах по культпоходу, на сельских сходах, колхозных собраниях и т. п. Кроме того, учебные заведения и предприятия, направлявшие в сельские районы добровольцев на борьбу с неграмотностью, не теряли с ними связи. Регулярно из городов в помощь культармейцам выезжали методисты, инструкторы по ликбезу. В Сибири, Нижне-Волжском крае, Центрально-черноземной области и на Урале имела место практика заслушивания отчетов культармейцев на общих собраниях рабочих, учащихся, служащих.

Для культармейцев, направляемых в деревню, устраивались специальные курсы. Методическая подготовка добровольцев была возложена на учительские кадры. Как правило, в районных центрах, а также в крупных селах организовывались консультативные методические пункты, в которых лучшие работники ликбеза делились своими навыками и опытом. Было выпущено множество различных методических пособий в помощь культармейцам⁶⁶. По постановлению ВЦСПС в «Учительской газете» была выделена страница «В помощь культармейцу».

Городские культармейцы провели в деревне огромную общественно-политическую работу, которая содействовала развитию колхозного движения. Сотни коллективных хозяйств были созданы в результате их деятельности. «Приезд культармейцев в деревню,— писала «Орловская правда»,— вызвал большой культурный подъем среди трудящихся крестьян. Культармеец не только ликвидирует неграмотность среди населения деревни, но и является одним из активных агитаторов за колхоз и организаторов культурно-просветительной работы в деревне»⁶⁷.

Обучая крестьян грамоте, культармейцы, кроме того, вели большую общественно-политическую работу. «Работаю уже несколько дней,— писал один из культармейцев, посланный в отдаленную деревню Моховского района (ЦЧО).— Обучаю 40 неграмотных и работать приходится в две смены — утром с подростками, вечером — со взрослыми. По вечерам после занятий хожу на собрания — организуем колхоз»⁶⁸. Вопросам коллективизации в программах ликпунктов таких районов сплошной коллективизации, как например, Северо-Кавказский край, отводилось не менее 2 часов в неделю.

Вступая в коллективные хозяйства, культармейцы вовлекали за собой многих учащихся ликбеза. В заявлении правлению колхоза культармейка-методист по ликбезу в деревнях Дроздово и Кудиновка (Курский округ) т. Н. Румянцева писала, что, ставшая членом артели, она берет «обязательство стараться агитировать за вступление крестьян в колхоз»⁶⁹.

По мере усиления культурного влияния города на деревню рабочий класс переходил к более широким и массовым формам культшефства. Передовые промышленные области страны брали шефство над целыми сельскохозяйственными областями. Так, например, Московская, Ленинградская, Ивановская области стали соответственно — шефами ЦЧО, Нижне-Волжского края, Средне-Волжской области.

Широкое распространение в культпоходе получила бригадная система работы. Она являлась наиболее массовой и оперативной формой помощи трудящихся промышленных центров крестьянскому населению в борьбе с неграмотностью. II Всесоюзное партийное совещание по вопросам народного образования (апрель 1930 г.) отметило, что посылка специальных культбригад из города в деревню является одним из самых важных методов борьбы с неграмотностью.

Культбригады посылались в деревню чаще всего на сроки не более 1 месяца. Они направлялись как в отстающие, так и в передовые районы. В их обязанность, помимо борьбы с неграмотностью, входила также работа по укреплению изб-читален, красных уголков. Культармейцы помогали открытию новых библиотек, распространяли книги, проводили подписку на займы, на газеты и т. д. Кроме работников по ликбезу, в состав культбригад входили обычно методисты по ликбезу, инструкторы по сельскохозяйственной технике, врачи, агрономы, инженеры, лекторы и т. д.

⁶⁶ См., например, «В помощь сельскому организатору работы по всеобщему обучению взрослых», НКП РСФСР, М., 1931; Г. О. Н о ж н и ц к и й. Как организовать культпоход в деревне, М., 1930; «Организуйте труд культармейца», НКП РСФСР, М., 1931; и др.

⁶⁷ «Орловская правда», 17 января 1930 г.

⁶⁸ ЦАМП, отдел ликбеза, оп. 1, д. 50, л. 27.

⁶⁹ Там же, д. 62, л. 70.

Первая культбригада из центра в район сплошной коллективизации была послана Всероссийской чрезвычайной комиссией по ликбезу в декабре 1929 г. Она была направлена в колхоз «Гигант» Краснополянского района Ирбитского округа (Урал).

Предприятия, учреждения, школы направляли с бригадами значительную материальную помощь — книги, пособия, письменные принадлежности и т. д. Особенно большое число культбригад было послано по линии ЦК профсоюза сельхозлесных рабочих, ЦК работников просвещения, ЦС ОДН, НКП и НКЗема РСФСР. Так, за 7 месяцев 1929/30 г. ЦК профсоюза сельхозлесных рабочих направил в совхозы около 2 тыс. культбригад⁷⁰.

В ряде совхозов ЦЧО и Северного Кавказа, благодаря организационной деятельности культбригад, были открыты так называемые крестьянские университеты, готовившие культармейцев в основном местными силами⁷¹.

Посылка бригад в районы сплошной коллективизации принимает массовый характер в период весенне-посевной кампании 1930 г. На основании неполных данных, только по 17 областным организациям в марте-апреле 1930 г. в колхозы и совхозы страны было послано 1529 культбригад, в том числе в деревни Нижне-Волжского края — 493, Урала — 229, ЦЧО — 138, Казахстана — 114, Нижегородского края — 109, Грузии — 102⁷².

Значительное число культбригад направлялось из центральных промышленных областей в национальные районы. Над районами Казахстана, Узбекистана, Таджикистана, Татарской и Мордовской автономных республик шефствовали Москва, Ленинград, Нижний Новгород, Саратов, Иваново. Особенно большой вклад в дело оказания помощи национальным районам страны внесли трудящиеся Москвы. Специальные бригады культармейцев столицы выезжали в указанные выше республики, а также в Башкирию, Туркмению, на Северный Кавказ.

В общей сложности в 1928—1930 гг. из городов было по разным заданиям направлено для культурной помощи деревне не менее четверти миллиона человек⁷³. Еще более организованный и массовый характер помощь рабочего класса деревне в борьбе с неграмотностью приняла на заключительном этапе пятилетки. Этому в большой мере способствовало то, что в июне 1931 г. шефство над деревней было передано в систему профсоюзов. Только из Ленинграда в сельскую местность на борьбу с массовой неграмотностью и бескультурьем за период 1930—1932 гг. было направлено около 27 500 бригад.

Широкая массовая культшефская работа значительно способствовала укреплению связи города с деревней, укреплению союза рабочего класса с трудовым крестьянством.

* * *

До сих пор роль самого трудящегося крестьянства в культпоходе не нашла должного отражения в научной литературе. Между тем, советское крестьянство в годы первой пятилетки внесло большой вклад в дело общенародной борьбы за ликвидацию массовой неграмотности в СССР. Недаром «Учительская газета» писала в те дни: «Самым замечательным явлением культпохода является небывалая активность самих бедняцко-среднедворянских масс деревни»⁷⁴.

На многочисленных сходах, собраниях трудящиеся деревни принимали решения о поголовном обучении неграмотных силами грамотных крестьян, об оказании посильной помощи в создании условий для работы пунктов ликбеза.

Перед нами один из «приговоров», которые принимались на сходах крестьян, — «приговор» крестьян Коммунарского сельсовета Медвенского района, Курского округа «О проведении сплошной ликвидации неграмотности». В нем говорилось, что крестьяне деревни Арешино, обсудив вопрос о проведении сплошной ликвидации неграмотности в течение 1929/30 учебного года среди взрослого населения, постановили: «1) Обязать неграмотных граждан 6 селений в возрасте от 12 до 40 лет (согласно прилагаемых списков) обучаться грамоте до 1 мая 1930 г. в одном из ликпунктов, организованных на территории данного сельсовета, или у себя на дому в порядке индивидуального

⁷⁰ ЦГАОР и СС, ф. 5466, оп. 12, д. 257, л. 86.

⁷¹ «Бюллетень Народного комиссариата по просвещению РСФСР», 1930, № 20, стр. 33.

⁷² «За коммунистическое просвещение», 7 мая 1930 г.

⁷³ «Правда», 1 июля 1930 г.

⁷⁴ «Учительская газета», 13 марта 1930 г.

обучения; 2) Хорошо грамотных граждан, все культурные силы данной деревни обязать проводить занятия с неграмотными в деревне, освободив их от другой общественной работы; 3) Обязать сельсовет предоставить для организуемых ликпунктов и групп необходимые помещения для занятий, используя в нужных случаях избы отдельных домохозяев. Сельсовету принять меры к обеспечению ликпунктов отоплением, организовав подвозку дров силами граждан...; 4) Для увеличения средств на ликвидацию неграмотности в весеннюю посевную кампанию обработать и засеять общественной запашкой выделенную территорию (культгектар); 5) Поручить сельсовету и сельской особой комиссии систематически освещать ход работы по ликвидации неграмотности на собраниях и сельских сходах»⁷⁵. Этот документ свидетельствует о серьезном и всестороннем подходе крестьян к решению задачи достижения всеобщей грамотности.

Культпоход всколыхнул женскую часть села. Так, сход неграмотных женщин деревни Кондратьевка Звягинского района (ЦЧО) обязал всех неграмотных и малограмотных крестьянок сесть за учебу, произвести сбор средств в фонд культпохода, привлечь все грамотное население к обучению грамоте. Был выделен в пользу ликбеза 1 гектар земли, ранее принадлежавший кулаку⁷⁶.

К лицам, нарушавшим постановления сходов, крестьяне применяли меры общественного воздействия (общественные показательные суды, занесение на черную доску и т. д.). В отношении тех, кто сознательно тормозил работу по обучению грамоте, применялись такие средства наказания, как штраф, принудительные работы и т. п. (Северный Кавказ, Ивановская область, Нижегородский край и др.)⁷⁷.

Когда, по мере развертывания культпохода, обнаружилась острая нехватка в кадрах культармейцев, партийные и советские органы на местах нашли правильный выход, объявив запись в культармию грамотных крестьян. Крестьянам — ликвидаторам неграмотности требовалась повседневная практическая и методическая помощь. И все же массовое использование грамотного крестьянства было совершенно правильной мерой, приведшей к крупным достижениям. Крестьянин-культармеец В. В. Кривошеев из ст. Боргустанской (Северный Кавказ) так оценивал свое участие в культпоходе: «Говорят, что для того, чтобы обучить неграмотного, необходимо быть педагогически и методически подготовленным. А я скажу, что при искреннем желании обучить неграмотного за эту работу с успехом может взяться каждый грамотный. Сам я окончил только семь классов, а обучил грамоте 14 человек»⁷⁸.

Культбригадой НКП РСФСР и ЦС ОДН, посланной для обобщения опыта культпохода в деревне, было установлено, что работа по ликвидации неграмотности проводилась при широком участии культармейцев из рядов бедняков, середняков и колхозников.

Бригада отметила, что в ряде районов бедняцко-средняцкая часть количественно преобладала в культармии, составляя в отдельных местах до 78% ее общего состава. Это в основном те крестьяне, которые окончили сельскую школу⁷⁹. Как заметила «Учительская газета», в 1930 году учитель был «оттеснен новой фигурой крестьянина-общественника, рожденного культпоходом»⁸⁰. Сошлемся, например, на данные о составе культармейцев в Тамбовском округе⁸¹.

Состав культармейцев	Всего	В том числе				служащих
		рабочих	колхозников	единоличников		
				бедняки	середняки	
Организаторов ликбеза	167	31	49	10	29	48
Методистов ликбеза	257	1	30	11	—	215
Ликвидаторов неграмотности	16942	31	4488	3459	6913	2051
Книгонош ликбеза	192	31	91	8	1	61

⁷⁵ ЦАМП, отдел ликбеза, оп. 1, д. 36, л. 57.

⁷⁶ «Культпоход», 1930, № 1, стр. 15.

⁷⁷ См. «Культпоход», 1932, № 1, стр. 46.

⁷⁸ А. Я. Дельви́г. Общество «Долой неграмотность» и национальные меньшинства, М., 1928, стр. 28.

⁷⁹ ЦАМП, отдел ликбеза, оп. 1, д. 62, лл. 5, 18

⁸⁰ «Учительская газета», 13 марта 1930 г.

⁸¹ ЦАМП, отдел ликбеза, оп. 1, д. 59, л. 12.

Таблица показывает, что в округе из культармейцев — ликвидаторов неграмотности свыше 87% составляли крестьяне.

История борьбы за ликвидацию неграмотности в советской деревне насчитывает многочисленные примеры подлинного героизма и высокой сознательности крестьян. В культпоходе участвовали лучшие люди деревни. Не считаясь с возрастом, собственными материальными условиями, крестьяне по мере сил помогали культпоходу, нередко создавая этим себе большие бытовые трудности: они бесплатно предоставляли под ликпункты свои избы, сами обеспечивали учащихся топливом, керосином, простейшей мебелью. Бедняцко-средняцкая часть деревни устраивала субботники по заготовке дров в фонд культпохода, по оборудованию ликпунктов, собирала денежные средства по дворам (самообложение) и т. д. Так, например, более 2 тыс. крестьянских изб было предоставлено колхозниками и единоличниками Курского округа для занятий ликпунктов⁸².

Вовлечение грамотных крестьян в культпоход иногда происходило по решению общих сходов, но чаще всего грамотные брались обучать неграмотных односельчан на добровольных началах. Только в Свердловском районе Орловского округа в культармию записалось весной 1930 г. 200 крестьян, а по всему округу — свыше 10 тыс. человек⁸³.

30 колхозникам сельхозартели «Искра» Ишимского района (Урал) помог в 1930 г. ликвидировать свою неграмотность 57-летний культармеец крестьянин Скутин. (Колхоз был расположен в 130 верстах от железной дороги.) Силами колхозного актива здесь сумели организовать обучение всех взрослых неграмотных. «Я буду учить снова, сколько сил хватит», — говорил тов. Скутин в своем выступлении на III пленуме ЦС ОДН (май 1930 г.)⁸⁴.

На конференции крестьян-культармейцев в Пичаевском районе (Тамбовский округ) отмечалось, что колхозник Г. А. Фирсов сам пришел в правление колхоза и записался в ликвидаторы неграмотности. При этом он вызвался обучить 12 человек в своей избе (семья его состояла из 14 человек), обеспечивать ликпункт топливом, керосином, мебелью⁸⁵. В селе Татанове (Тамбовский округ) 60-летняя колхозница А. Х. Николаева обучила грамоте большую группу крестьян; 13 человек ликвидировали свою неграмотность при помощи беднячки-культармейки А. Ф. Казариновой⁸⁶.

Учиться нередко приходилось в нетопленных помещениях, в ликпунктах, удаленных на несколько километров от места жительства крестьян, остро ощущалась нехватка в письменных принадлежностях. Один работник Наркомпроса РСФСР, побывавший в сельском ликпункте Щигровского района (ЦЧО), рассказывал Н. К. Крупской: «Заходишь в избу и видишь: изба битком набита народом, сидят на высоких скамейках, а стол низкий, сидят плечом к плечу, все пишут, все ликвидируют неграмотность, а хозяин сидит и топором чинит карандаши»⁸⁷.

Широкие масштабы принял культпоход в Центрально-черноземной области. Здесь уже весной 1930 г. в сельской местности обучалось более 1 млн. человек. Число культармейцев-крестьян приближалось к 100 тыс. Эти цифры являлись для того времени рекордными по Союзу⁸⁸. «Фактически в ЦЧО, — писала Н. К. Крупская, — мы имеем первый массовый опыт культпохода в деревне, втянувший в работу по ликвидации неграмотности огромные массы крестьянства»⁸⁹. Свыше 100 районов сплошной коллективизации (из 174) в ЦЧО объявили себя к середине мая 1930 г. районами сплошной ликвидации неграмотности⁹⁰.

О том, какой громадный сдвиг совершил культурный поход, руководимый партией, в сознании трудового крестьянства, свидетельствуют интересные данные об организации ликбезработы во 2 Шанинском сельсовете Борисоглебского округа, где ярко проявилась творческая инициатива самих крестьян. Сельсовет насчитывал к концу

⁸² «Коммунистическое просвещение», 1930, № 17, стр. 45; «Культпоход», 1930, № 1, стр. 16.

⁸³ «Учительская газета», 11 марта 1930 г.

⁸⁴ «Культпоход», 1930, № 2, стр. 8.

⁸⁵ ЦАМП, отдел ликбеза, оп. 1, д. 52, л. 15.

⁸⁶ «Учительская газета», 3 апреля 1930 г.

⁸⁷ Сб. «Культурное обслуживание колхозов», М., 1930, стр. 130.

⁸⁸ ЦАМП, отдел ликбеза, оп. 1, д. 62, л. 56.

⁸⁹ «Учительская газета», 21 января 1930 г.

⁹⁰ Там же, 13 марта 1930 г.

1929 г. 250 неграмотных. Крестьяне решили обучить односельчан грамоте в течение одного года, не прибегая к посторонней помощи. Главная трудность заключалась в том, что деревни были разбросаны по 8 участкам, отдаленным на 3—4 км друг от друга. Поэтому неграмотных стали обучать по месту их жительства. Было создано 40 групп неграмотных. Крестьяне выделили 40 наиболее грамотных односельчан и в порядке общественной нагрузки прикрепили к каждому по 6 неграмотных. Созданная при сельсовете особая комиссия по ликбезу назначила ответственных за состояние культпохода в каждой деревне. Благодаря этой системе в Шанинском сельсовете все неграмотные колхозники были охвачены учебой. Вскоре был создан сезонный ликпункт, но крестьяне-ликвидаторы неграмотности не бросили работу, а стали обучать женщин, которые по бытовым условиям не могли посещать занятия групп. В сельсовете был всего один платный ликвидатор неграмотности, а обучалось около 250 человек. «Случай совершенно небывалый в ликбезовской практике»,— писала по этому поводу «Учительская газета». К середине 1930 г. на территории Шанинского сельсовета неграмотность была ликвидирована⁹¹.

Довольно крупная роль в достижениях культпохода принадлежала сельским Советам, которые стали надежной опорой партии в строительстве новой социалистической культуры в деревне. Непосредственному вовлечению сельских Советов в культпоход за грамотность в большой степени способствовало постановление ВЦИК и СНК РСФСР от 26 января 1930 г. «Об особых местных комиссиях по ликвидации неграмотности и малограмотности», которые создавались при райисполкомах, сельсоветах, органах народного образования. Согласно этому постановлению особые комиссии в сельских местностях имели право привлекать к делу ликвидации неграмотности группы батрачества и бедноты, созывать совещания культурмейцев и учащихся ликбеза, учреждать курсы по подготовке ликбезработников.

Многие представители Советской власти на местах — председатели колхозов и сельсоветов, члены правлений колхозов — показывали личный пример, непосредственно участвуя в массовой ликбезработе. Так, председатель сельсовета в селе Котовка (Старо-Оскольский округ) тов. Рудаков сам обходил избы крестьян, агитировал за обучение грамоте, помог приобрести оборудование для ликпункта. В деревне Лукьяново того же сельсовета ликпункт был расположен в хате председателя колхоза⁹². И не случайно, что в 1930 г. на территории сельсовета не осталось ни одного неграмотного.

* * *

Борьба за культурный рост советской деревни наталкивалась на серьезное сопротивление кулачества. Кулачество хорошо понимало все значение ликвидации неграмотности и стремилось всеми средствами воспрепятствовать ей. Классовый враг сознавал, что с ликвидацией неграмотности исчезнет его влияние на неграмотные слои деревни (особенно на женщин). «Кулак прекрасно знает,— говорил в одном из выступлений А. В. Луначарский,— что легче подчинить своему влиянию неграмотную батрачку, можно больше ее эксплуатировать... Задача борьбы с кулачеством упирается в борьбу с неграмотностью»⁹³.

По мере расширения культпохода в районах сплошной коллективизации вокруг этого движения усиливалась классовая борьба. От скрытой агитации против ликбеза, запугивания неграмотных и малограмотных кулаки стали широко переходить к открытым террористическим актам. Кулачество особенно активизировалось в тех районах, где была неудовлетворительно поставлена политико-просветительная работа. Бригадное обследование обнаружило, например, в Мучканском и Уваровском районах (Тамбовский округ) ряд случаев проникновения на ликпункты в качестве ликбезработников попов, кулаков и других чуждых элементов⁹⁴.

Распространенной формой борьбы кулачества с культработниками был экономический бойкот (Урал, ЦЧО, Средне-Волжская область, Северный Кавказ, Сибирь, Даль-

⁹¹ «Учительская газета», 21 января 1930 г.; «Культпоход», 1930, № 1, стр. 15.

⁹² «Культурный фронт ЦЧО», 1930, № 1, стр. 50—51.

⁹³ А. В. Луначарский, И. Ахматов. Ликвидация неграмотности среди батрачества, М., 1929, стр. 29.

⁹⁴ ЦАМГ, отдел ликбеза, оп. 1, д. 62, л. 18.

ний Восток). Ликвидатору неграмотности — культармейцу отказывали в продаже продуктов, его не пускали на квартиру и т. п. Проводя агитацию против культпохода, кулак использовал такие факторы, как вековая народная темнота, суеверия (особенно в глухих районах), временные хозяйственные затруднения и т. д.

По данным ЦК профсоюза работников просвещения, за 9 месяцев (с августа 1928 г. по май 1929 г.) по стране имели место 152 случая преследований культармейцев, главным образом сельских учителей — ликвидаторов неграмотности, в том числе 11 случаев убийства, 19 — покушений на убийство, 6 — ранений, 13 — жестоких избиений, 16 случаев поджогов. Например, в Московской области таких случаев было 10, во Владимирском округе — 31⁹⁵.

С подъемом колхозного движения и развитием культпохода террористические акты кулацких элементов против культармейцев участились. За вторую половину 1929 г. ЦК профсоюза Рабпрос зарегистрировал уже 213 случаев преследования сельских культармейцев, в том числе 26 случаев убийства, 22 случая ранения, 15 — покушений на убийство, 10 — поджогов, 22 — незаконных увольнений, 15 случаев экономического бойкота⁹⁶.

29 ноября 1929 г. выстрелом из обрезка был убит руководитель сельского ликпункта И. В. Богданов (учитель Раковской школы, Медовского сельсовета, Холмского района). Богданов был одним из первых создателей колхоза в районе, многим крестьянам он помог ликвидировать свою неграмотность. Кулаки давно грозили расправой культармейцу, но он продолжал выполнять свой долг. Накануне смерти Богданов писал: «Уйти из Раковской школы не могу до тех пор, пока не выведу всех кулаков. Они грозят меня убить, но я отступать не буду»⁹⁷.

На Украине в селе Ивановке Харьковского округа выстрелом в окно школы грамоты во время занятий с крестьянами был убит культармеец И. Н. Задорожный — организатор Ивановского колхоза⁹⁸. В селе Вязовая Конотопского округа кулаки выжгли серной кислотой глаза учительнице — руководителю сельского ликпункта. Нередко свое право на учебу и стремление к знаниям неграмотные вынуждены были отстаивать с оружием в руках. Такие факты, например, имели место в Сталинградском округе. В ответ на вооруженные действия классового врага культармейцы организовывали дружины и устанавливали дежурства по охране школ от налетов и бесчинств кулацких элементов⁹⁹.

Таким образом, выступления против культармейцев имели резко выраженный классовый характер. При этом очень часто кулаки выступали организованно. Из 213 преступных случаев индивидуальных выступлений было всего 26. Не удивительно, что в судебных материалах в качестве обвиняемых фигурировали, как правило, целые группы кулаков и подкулачников. Так, по делу об убийстве сельской культармейки т. Разгудяевой было привлечено 13 человек, по делу об убийстве ликвидатора неграмотности т. Богданова — 9¹⁰⁰.

Советская власть и трудовые массы города и деревни давали решительный отпор вражеским вылазкам кулачества, беспощадно карали преступников. 8 августа 1929 г. Народный Комиссариат юстиции РСФСР дал всем местным органам прокуратуры и суда республики директиву: «Покушение на просвещенцев-общественников — террористический акт!». Суд должен был привлекать виновных к суровой ответственности, вплоть до расстрела. В ряде мест практиковались показательные процессы, имевшие большое воспитательное значение. Конфискованные кулацкие дома отводились под ликпункты, избы-читальни, школы грамоты. В Нижне-Волжском крае под школы и ликпункты к началу 1931 г. было приспособлено 2 тыс. кулацких зданий, по 117 районам Московской области — 380 помещений кулаков¹⁰¹.

⁹⁵ ЦГАОР и СС, ф. 5462, оп. 11, д. 103, л. 12.

⁹⁶ Там же, оп. 12, д. 58, лл. 25, 33.

⁹⁷ Там же, лл. 9—10.

⁹⁸ Там же, л. 23.

⁹⁹ «Революция и культура», М., 1930, № 5—6, стр. 32—33. См. «Культпоход как метод культурной революции», М., 1930, стр. 25.

¹⁰⁰ ЦГАОР и СС, ф. 5462, оп. 12, д. 58, л. 26.

¹⁰¹ См. ЦГАОР и СС, ф. 5462, оп. 12, д. 58, л. 33; «На культурном фронте», 1931, № 1—2, стр. 11; ГАОР и СС МО, ф. 2180, оп. 3, д. 83, л. 72.

Культармейцы принимали непосредственное участие в подавлении вражеских выступлений кулаков. Например, на Северном Кавказе бригада культурмейцев выступила против действовавшей в районе кулацкой банды и разгромила ее ¹⁰².

Одним из средств вовлечения крестьянских масс в культпоход стали засевы культгектаров, или, как их еще называли, «участков ликбеза», «полос ОДН». Массовый засев участков ликбеза, доходы с которых шли в фонд культпохода по борьбе с неграмотностью, впервые был проведен на Северном Кавказе, Урале, в Нижне-Волжском крае и Сибири, позднее — в ЦЧО, Московской области и др. Ликбезполосы выделялись по решению правлений колхозов, общих собраний крестьян, по инициативе культурмейцев и учащихся ликпунктов.

Ликбезполосы не только укрепляли материальную сторону культпохода, но и стали важнейшим способом привлечения бедняцко-средняцких слоев деревни к строительству колхозов, а также средством внедрения передовых агрознаний. Культгектар в деревне выделялся как лучший участок по запашке, по урожайности. Участки ликбеза превращались в опытное поле, на котором работали во время воскресников бригады учащихся ликбеза под руководством агрономов и передовых практиков сельского хозяйства. Обычно над культгектаром брали шефство МТС, сельские ячейки ОДН, колхозы. Перед колхозами и совхозами партией была поставлена в 1930 г. задача засеять вне плана под культгектар не менее 1% всей посевной площади. Засев ликбезполос стал включаться как непрременный пункт в содоговоры между колхозами, совхозами, сельскими ячейками ОДН. Осенью 1930 г. в фонд культпохода было засеяно свыше 500 тыс. га и вспахано под зябь более 1 млн. га. В 1931—1932 гг. площадь участков ликбеза еще более увеличилась ¹⁰³.

Овладение грамотой способствовало более активному участию колхозников в политической и производственной жизни сельхозартелей. Культпоход помог лучшим учащимся ликбеза стать в авангарде строительства социализма в деревне, помог осознать великие преимущества колхозного строя. Тысячи писем, которые получали в то время редакции газет от выпускников школ ликбеза, красноречиво свидетельствовали об этом. Нельзя пройти мимо одного из них. Это письмо бывшей малограмотной колхозницы Веры Прягулиной (из колхоза имени Крупской, Чернянского района, Старо-Оскольского округа), с которым через газету «За грамоту» она обратилась ко всем колхозникам. «У нас в колхозе им. Крупской 26 неграмотных,— говорилось в письме,— а учиться записалось только 18 человек. Да и то некоторые из них плохо посещают школу... Стыдно это, товарищи,— ведь государство заботится о нас, затрачивает столько денег. А Владимир Ильич Ленин говорил, что нужно учиться и учиться — тогда мы построим социализм. Неграмотный человек ничего не сможет сделать. Я сама 36 лет была, как слепая, а теперь точно сняли повязку с глаз... Буду больше читать книг и газет. Тогда я ни в чем не отстану! Я сейчас член правления нашего колхоза, а еще думаю вступить в ряды партии. Учитесь все, кто неграмотные! Помогайте в работе партии и советской власти!» ¹⁰⁴.

Через систему ликбеза в Нижне-Волжском крае только весной 1931 г. было вовлечено в колхозы свыше 10 тыс. единоличников (по 52 районам), 16 тыс. колхозников стали ударниками весеннего сева (по 50 районам), было организовано 200 красных хлебных обозов. По 26 районам области 1200 учащихся ликбеза было выдвинуто на работу в сельсоветы, 93 человека вступили в ряды партии и 610 — в ряды ВЛКСМ (по 9 районам) и т. д. ¹⁰⁵.

С середины 1930 г. массовый характер принимает соцсоревнование за лучшую постановку работы по ликвидации неграмотности. В соревнование по ликбезу вступали между собой не только области, края и округа, но и районные органы культпохода, ячейки ОДН, колхозы, а также культбригады, направлявшиеся в деревню ¹⁰⁶.

Число учащихся в сети ликбеза приближалось к 8 млн. человек, вместо 4 млн. по плану на 1929/30 г. ¹⁰⁷, а обучение взрослых за счет общественных сил и средств увели-

¹⁰² «Революция и культура», 1930, № 15—16, стр. 46.

¹⁰³ ЦАМП, отдел ликбеза, оп. 1, д. 63, л. 20.

¹⁰⁴ «За грамоту» (Орел), 20 марта 1930 г.

¹⁰⁵ «На культурном фронте» (Саратов), 1931, № 7—8, стр. 31.

¹⁰⁶ ЦГАОР и СС, ф. 5462, оп. 12, д. 257, л. 49.

¹⁰⁷ См. XVI съезд Всесоюзной Коммунистической партии (большевиков), ч. I, М., 1936, стр. 143.

чилось с 40% до 85%. К моменту созыва XVI съезда партии (июнь 1930 г.) остро встал вопрос об усилении качества ликбезработы в деревне вследствие повышения требований к колхозным кадрам. Как подчеркнул съезд партии, «во всей культурной работе должны быть широко применены методы культпохода, соцсоревнования и ударничества»¹⁰⁸. 25 июля 1930 г. ЦК ВКП(б) принял важное постановление «О всеобщем обязательном начальном обучении». «Введение всеобща, — по словам Н. К. Крупской, — навсегда подрезало корни безграмотности»¹⁰⁹. Исторические постановления XVI съезда ВКП(б) явились новым этапом в развитии культурной революции в СССР.

Идя навстречу пожеланиям молодежи, ЦК ВЛКСМ в августе 1930 г. вынес постановление о дополнительной мобилизации на ликвидацию неграмотности 250 тыс. комсомольцев¹¹⁰. Одна лишь РСФСР выделила больше 100 тыс. человек (в 1929 г. в культпоходе участвовало всего 100 тыс. членов ВЛКСМ). Комсомольские организации городов брали шефство над сельскими ячейками по скорейшему завершению ликвидации неграмотности. Конкретные указания по активизации культпохода дало Всероссийское совещание по ликвидации неграмотности (сентябрь 1930 г.), проходившее под лозунгом: «Сделать ликвидацию неграмотности орудием борьбы за пятилетку в 4 года».

1930 г. в целом можно охарактеризовать в истории культпохода как переломный. Действительно, охват обучающихся крестьян ликпунктами и школами грамоты в 1930 г. превысил соответствующие цифры за 1927, 1928 и 1929 гг., взятые вместе¹¹¹.

Во второй половине 1930 г. зарождаются и получают развитие новые формы культпохода — «культэстафета» и «культштурм», которые способствовали усилению шефской культурной помощи городов колхозам и совхозам.

«Культэстафета» была начата в августе 1930 г. комсомольскими организациями промышленных предприятий Хамовнического района столицы. В ходе культэстафеты устанавливались конкретные задания по ликбезу и сроки их выполнения. Те районы, которые заканчивали выполнение контрольных заданий по ликвидации неграмотности, передавали эту своеобразную эстафету культуры другим районам, вызывая их на соревнование, брали отстающие организации на так называемый «общественный буксир». Только один Сокольнический район Москвы сумел организовать культэстафету в 30 сельских районах области¹¹². Эстафета позволила определить слабые участки в ликбезработе, распространить лучший опыт по борьбе с массовой неграмотностью. Культурная эстафета привлекла к участию в культпоходе новые отряды рабочих. Из 86,5 тыс. культармейцев, участвовавших в 1 Московской областной эстафете (конец 1930 г.), — 64,5 тыс. человек были рабочими от станка¹¹³.

Осенью 1930 г. в Нижне-Волжском крае был проведен так называемый «культштурм», во время которого из городов в массовом масштабе были посланы опытные культармейцы в те сельские районы, где обозначилось ослабление ликбезработы. Благодаря «культштурму» к ликбезработе удалось дополнительно привлечь около 70 тыс. культармейцев. Если до культштурма в Нижне-Волжском крае обучалось около 440 тыс. неграмотных, то к концу 1930 г. обучение проходило уже 920 тыс., преимущественно крестьян¹¹⁴. 1 мая 1931 г. Нижне-Волжский краевой комитет партии рапортовал ЦК ВКП(б) о достижении сплошной грамотности в крае. Интересно отметить, что в результате трех лет культурного похода к ноябрю 1931 г. процент грамотности в крае превысил показатели грамотности в США, Англии, Франции. А г. Саратов по уровню грамотности (99,6%) опередил крупнейшие города передовых капиталистических стран: Вену (97,96%), Париж (96,94%), Чикаго (95,76%), Рим (89,10%)¹¹⁵.

Новые формы культпохода (культэстафета, культштурм) имели и свои слабые стороны. Прежде всего — это известное увлечение количественными показателями, введение в ряде мест элементов военизации в работу культармейцев. В некоторых районах

¹⁰⁸ «КПСС в резолюциях...», ч. III, стр. 71.

¹⁰⁹ Н. К. Крупская. Задачи библиотечной работы, М., 1934, стр. 15.

¹¹⁰ «Справочник комсомольского пропагандиста», М., 1952, стр. 162.

¹¹¹ Охват взрослых неграмотных сетью ликбеза в сельской местности СССР (в тыс.): 1927 г.—1 254,4; 1928 г.—1 102,5; 1929 г.—1 543,9; 1930 г.—4 997,8 («Культурное строительство СССР», статистический сборник, М.—Л., 1940 г., стр. 93).

¹¹² ГАОР и СС МО, ф. 2180, оп. 3, д. 83, л. 62.

¹¹³ Там же, л. 81.

¹¹⁴ «На культурном фронте», 1931, № 1—2, стр. 8.

¹¹⁵ Там же, № 15, стр. 4.

в период проведения культэстафет устанавливались нереальные сроки выполнения ликбезработы, в результате чего отчетные данные иногда завышались (Северный Кавказ, ЦЧО, Ленинградская область).

В завершающий этап первой пятилетки страна вступила при наличии огромных достижений в строительстве социалистической экономики и культуры. Очередные задачи, которые в деревне пришлось разрешать культпоходу в эти годы, состояли: 1) в повышении качества ликбезработы, 2) в обеспечении сети ликбеза более квалифицированными кадрами, 3) в усилении работы по ликвидации малограмотности.

В 1931 г. 80% неграмотных было обучено силами добровольцев. Кадры культармейцев значительно выросли и окрепли. Большую роль в деле улучшения подготовки ликбезработников сыграли культармейские факультеты и курсы по переподготовке культработников. При Московском университете был открыт факультет, который готовил кадры ликбезработников. В начале 1931 г. на факультете обучалось 4500 человек, которые пополнили ряды сельских работников культуры¹¹⁶. Повсеместное распространение в деревенской сети ликбеза получило изучение агроминимума, был введен политечас. Система обучения в сельской школе грамоты перестраивалась в соответствии с общими задачами и программой колхозного образования.

В 1932 г. были закреплены и развиты успехи, достигнутые в предыдущие годы. По сравнению с 1928 г. число неграмотных и малограмотных, обучавшихся в сельской сети ликбеза, возросло в 1932 г. в 9 с лишним раз (11,7 млн. против 1,2 млн.)¹¹⁷.

Рост темпов ликвидации неграмотности и малограмотности в советской деревне за 1928—1932 гг. характеризуется следующими статистическими данными¹¹⁸:

Обучалось	Годы				
	1928	1929	1930	1931	1932
Неграмотных	1102,5	1543,9	4997,8	5454,8	6820,6
Малограмотных	128,7	145,1	636,4	2235,7	4871,3
Всего . . .	1231,2	1689,0	5634,2	7690,5	11691,9

На важнейших участках культурного фронта в конце первой пятилетки работало уже около 3 млн. культармейцев, в том числе более 350 тыс. комсомольцев¹¹⁹. Подлинно массовой организацией стало общество «Долой неграмотность», объединившее в своих рядах 5 млн. трудящихся¹²⁰.

Большое внимание в этот период было обращено на работу по закреплению полученных знаний, чему способствовало, например, издание специальных газет и журналов для учащихся ликбеза. В 1932 г. в сельских школах для малограмотных обучалось больше учащихся, чем за все предыдущие годы, вместе взятые. Число общеобразовательных школ увеличилось в сельской местности в 1931/32 учебном году по сравнению с 1927/28 учебным годом на 49 050 единиц, а число учащихся в них — на 8 621,9 тыс. человек¹²¹. Тем самым преграждался путь рецидиву неграмотности.

По первоначальному варианту первого пятилетнего плана намечалось ликвидировать неграмотность у 18,2 млн. человек (в том числе у 17 млн. в сельской местности). Массовый культпоход позволил намного превысить это плановое задание: за 4 года и 3 месяца в СССР было обучено грамоте 29 миллионов неграмотных. Помимо этого за пятилетку ликвидировали свою малограмотность 17 700 тыс. человек¹²². О глубине

¹¹⁶ «Бюллетень Народного Комиссариата по просвещению РСФСР», 1931, № 13, стр. 19.

¹¹⁷ М. П. Ким. Указ. соч., стр. 124.

¹¹⁸ «Культурное строительство СССР», М.—Л., 1940, стр. 92.

¹¹⁹ См. В. В. Мельников. «Комсомол — активный помощник Коммунистической партии в культурном строительстве СССР в первой пятилетке» (автореферат канд. дисс.), Киев, 1956, стр. 8.

¹²⁰ М. П. Ким. Указ. соч., стр. 124.

¹²¹ См. «Народное хозяйство СССР», М., 1956, стр. 223; «Культурное строительство СССР», М.—Л., 1940, стр. 80.

¹²² См. А. С. Бубнов. О культурном подъеме в СССР за годы первой пятилетки М., 1933, стр. 10.

культурной революции, развернувшейся в СССР с особой силой в годы первой пятилетки, ярко свидетельствовали достижения отдельных союзных республик. К концу 1932 г. процент грамотности населения в Таджикской ССР поднялся с 4% (начало пятилетки) до 52%, в Туркменской ССР — с 13,5% до 61%, в Узбекской ССР — с 12% до 72%, по Закавказью — с 36% до 86%¹²³. Адыгея к лету 1931 г. стала первой в СССР национальной областью сплошной грамотности.

К 1932 г. грамотность в стране поднялась до 90%¹²⁴ против 30% накануне Великой Октябрьской социалистической революции.

Эти достижения явились следствием огромных успехов советского народа в строительстве социализма. В свою очередь ликвидация массовой неграмотности создала прочную основу для разрешения важнейшей проблемы первой пятилетки — проблемы социалистических кадров, задачи воспитания нового человека.

Небезынтересно при этом отметить, что ликвидация неграмотности в помещичье-капиталистической России осуществлялась темпами, которые едва бы могли привести страну к всеобщей грамотности даже через 150 лет¹²⁵. В СССР же эта задача была в основном решена в течение 15—20 лет.

Михаил Иванович Калинин так оценивал значение всенародной борьбы с неграмотностью в СССР: «С внешней стороны, может быть, это и незаметное дело; может быть, об этом не напишет ни один историк, но у меня нет никакого сомнения в том, что эта работа окажется весомой единицей в общем коммунистическом строительстве, что эта работа будет вознаграждена своими огромными результатами¹²⁶».

Массовый культурный поход еще раз показал всему миру, какими неисчерпаемыми творческими силами обладает освобожденный от эксплуатации народ, руководимый Коммунистической партией.

¹²³ См. «Итоги выполнения первого пятилетнего плана развития народного хозяйства Союза ССР», М., 1933, стр. 279.

¹²⁴ «КПСС в резолюциях...», ч. III, стр. 181.

¹²⁵ См. «Коммунист», 1957, № 15, стр. 167.

¹²⁶ М. И. К а л и н и н. О воспитании и обучении, М., 1957, стр. 281.

